

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

2

МОСКВА · 1991

ОЧКОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

Среди многочисленной группы археологических источников немаловажное значение придается украшениям, часто обладающим большой информативностью. Отдельные категории этих вещей рассмотрены достаточно полно [1, 2]. Специальных же работ, посвященных целостной характеристике очковидных подвесок, мы не имеем. В археологической литературе можно отметить лишь некоторые исследования, освещающие отдельные стороны анализа этих украшений. Так, например, в работе В. Хенслея, использовавшего разнообразный материал как Западной, так и Восточной Европы, предпринята попытка раскрыть смысловое значение очковидных подвесок — автор склоняется к мысли о том, что подобные изделия были тесно связаны с культом плодородия [3]. В советской литературе отметим работу Р. М. Мунчаева, в которой правильно, но, к сожалению, слишком кратко охарактеризовано время бытования очковидных подвесок и в тезисном порядке намечен ареал их встречаемости преимущественно в эпоху бронзы [4, с. 169]; исследование В. И. Козенковой, в котором разработана типология очковидных подвесок кобанской культуры [5, с. 41].

Целью настоящей статьи является попытка обобщить имеющиеся данные об очковидных подвесках, обнаруженных на территории СССР: время их бытования, территорию распространения, а также осветить, насколько это возможно, происхождение этих украшений в отдельных регионах либо показать пути их проникновения из одной области в другую. Древнейшие очковидные подвески, зафиксированные на территории СССР, относятся ко второй половине III — началу II тыс. до н. э. (рис. 1, 1—3). Они характерны для Северного Кавказа и Закавказья. В частности, их обнаружили в следующих пунктах: Галгалатли, Чиркей, Таш-Шоб, Карабудахкент, Кули, Мингечаур [5, с. 200, 201, рис. 3, а, 15, рис. 5, 16, 20; 6, с. 77; 7, с. 42, рис. 2, 1—4; 8, с. 68, табл. 3, 3; 9, табл. XVII, 34]. Появление и распространение очковидных подвесок в этом регионе нужно связывать с племенами куро-аракской культуры.

В первой половине II тыс. до н. э. эти украшения помимо Кавказа [10, с. 24, табл. I, 3; табл. VI, 10] получают распространение и в других ареалах европейской части СССР. В настоящее время намечается три центра, не считая Кавказа, где отмечены очковидные подвески: 1) Предкарпатье и Волынь; 2) Белорусское Поднепровье; 3) Верхняя Волга (рис. 2). В первом найдены две подвески, происходящие из поселений Почапы (почапский тип) и Стадники городоцко-здолбницкой культуры [11, рис. 46, 2; 12, рис. 40, 1]. По мнению И. К. Свешникова, их появление в Предкарпатье может быть вызвано контактами населения этой зоны с племенами Словакии и Чехии, где существовали металлургические центры и отмечены аналогичные находки [12, с. 79].

В Белорусском Поднепровье также известны две находки, относящиеся к среднеднепровской культуре и найденные в могильнике у д. Ходосовичи [13, рис. 22, 1, 2]. Типологически они очень близки находке из Карабудахкентского могильника [4, рис. 7, 4]. К тому же ходосовичские очковидные подвески по составу металла больше тяготеют к кавказским [14, табл. XIII, 588, 589], поэтому генетическая связь их с последними наиболее вероятна.

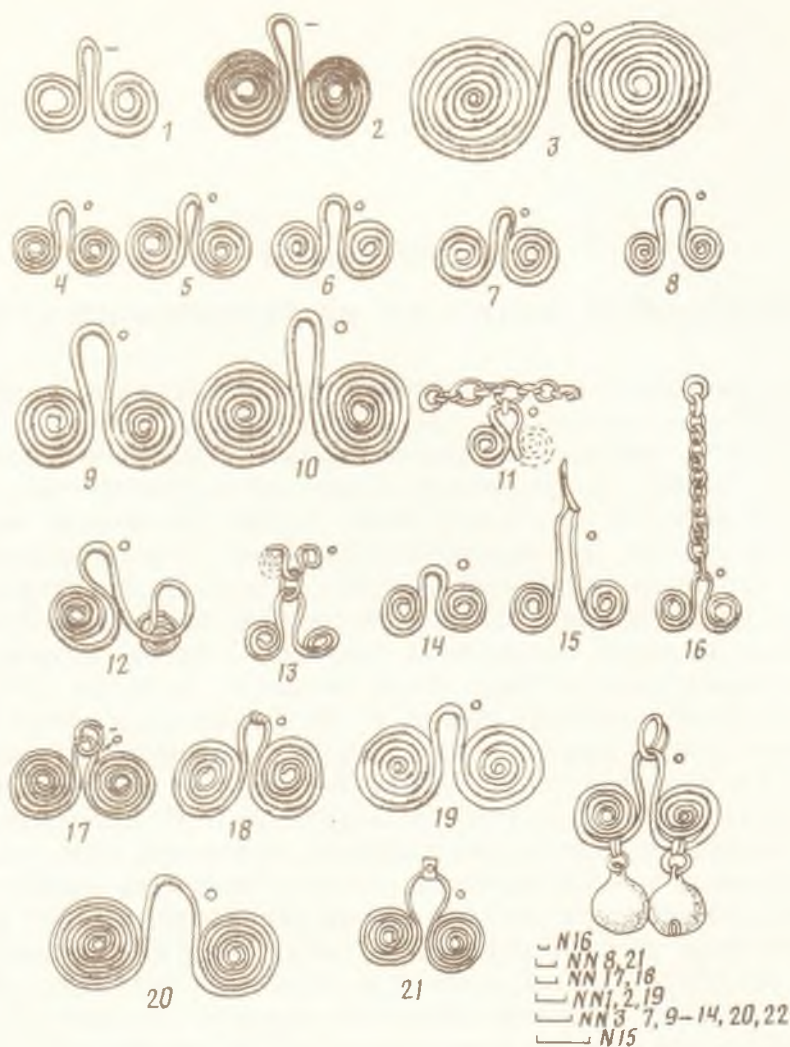

Рис. 1. Очковидные подвески различных периодов. 1 — Манас; 2 — Ходосовичи; 3 — Волосово-Данилово (первая половина II тыс. до н. э.); 4, 5 — Тауш-Касы; 6 — Алгаши; 7 — Абашево; 8 — Хохольский (третья четверть II тыс. до н. э.); 9 — Сержень-Юрт; 10 — Верхняя Рутха; 11 — Алибечки (первая половина I тыс. до н. э.); 12—14 — Ивань; 15 — Марылина Гора; 16 — Пренлаукис (конец I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.); 17—18 — Цебельда; 19 — Апушта (V—VI вв. н. э.); 20 — Мартыновка; 21 — Суджа (VI—VII вв. н. э.); 22 — Люцин (X—начало XI в. н. э.).

Верхневолжские очковидные подвески представлены тремя экземплярами, найденными при исследовании памятников фатьяновской культуры. Две из них обнаружены в могильниках (Никульцинский и Волосово-Даниловский), третья — на поселении в урочище «Тешин язык» около с. Юрьева [15, с. 162, рис. 53, 12, 13]. Д. А. Крайнов предполагает, что очковидную форму подвесок носители фатьяновской культуры могли заимствовать у племен Предкарпатья. Однако прямой путь из Предкарпатья на Верхнюю Волгу через лесную зону был маловероятным. Нам представляется более обоснованным проникновение очковидных подвесок либо их прототипов с Кавказа через степную зону и далее по Волге.

Одной из отличительных черт биспиральных украшений раннего этапа является то, что многие из них (ходосовичские, карабудахкентская, кулийская, манасские и другие находки) сделаны из узких бронзовых пластин. По-видимому, традиция изготовления подобных подвесок восходит к периоду энеолита и ранней бронзы Центральной Европы и объясняется главным образом невозможностью получения круглой в сечении проволоки на раннем этапе. В частности, пластинчатые подвески были широко распространены в памятниках лендзельской культуры Польши, а позднее в лужицкой культуре раннебронзового вре-

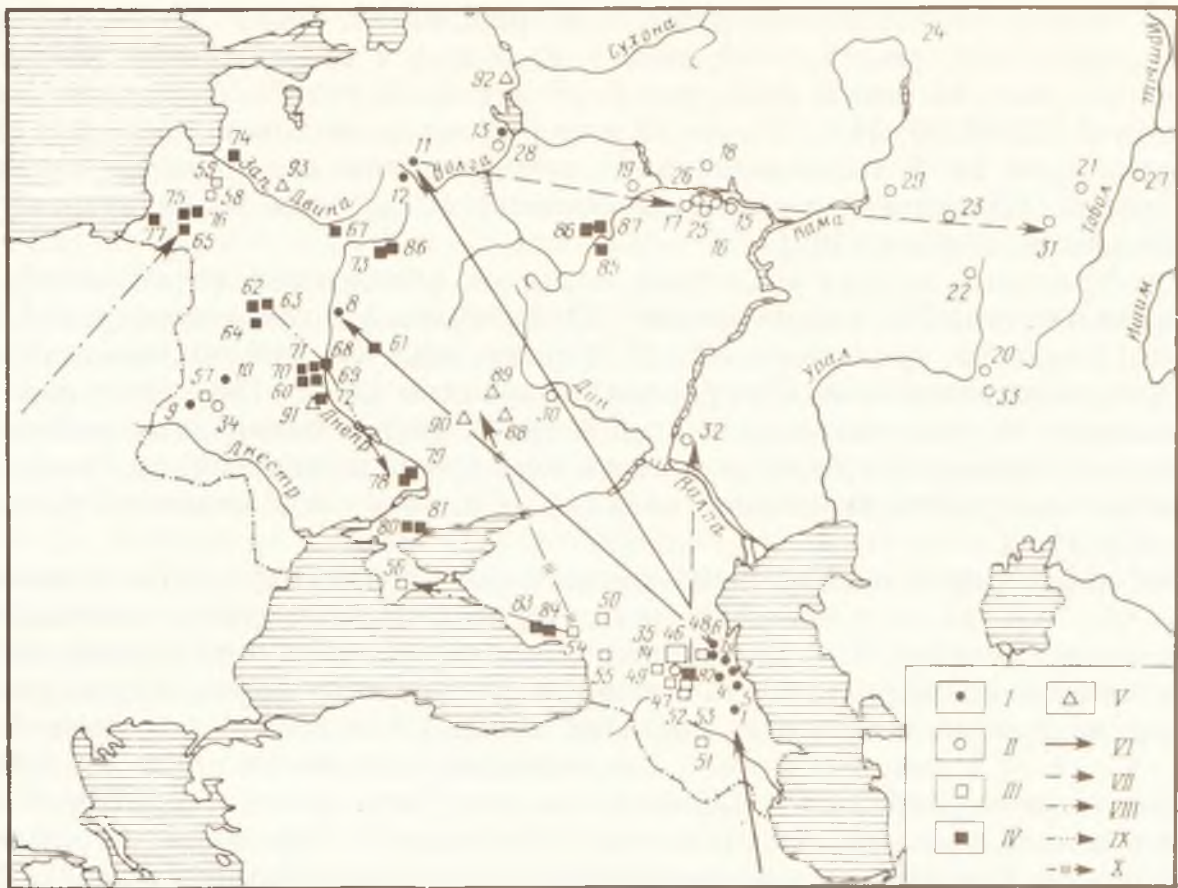

Рис. 2. Карта распространения очковидных подвесок на территории СССР и возможные пути проникновения оригиналов или их прототипов в различные регионы. I, VI — очковидные подвески второй половины III — середины II тыс. до н. э. и возможные пути их проникновения из центров производства; II, VII — подвески третьей четверти II тыс. до н. э. и пути их распространения; III, VIII — подвески последней четверти — середины I тыс. до н. э. и пути их проникновения; IV, IX — биспиральные подвески второй половины I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. и возможные пути их распространения; V, X — подвески второй половины I тыс. н. э. — начала II тыс. н. э. и возможные пути поступления прототипов. 1 — Мингечаурский, 2 — Карабудахкентский, 3 — Манасский могильники; 4 — Чиркейское, 5 — Кулийское, 6 — Галгалатлийское, 7 — Таш-Шобское поселения; 8 — Ходосовичский могильник; 9 — Почапское, 10 — Стадникское поселения; 11 — Никульцинский; 12 — Волосово-Даниловский могильник; 13 — Юрьевское поселение; 14 — Стырфазский, 15 — Тауш-Касыйский, 16 — Абашевский, 17 — Алгашийский, 18 — Виловатовский II, 19 — Земской, 20 — Киргильдинский, 21 — Алексеевский могильники; 22 — Верхнекизыльский клад; 23 — Юкалекулевский могильник; 24 — Старушкинское I поселение; 25 — могильники Большое Янгильдино, 26 — Яндашевский, 27 — Петропавловский; 28 — Туровский клад; 29 — Северо-Бирский, 30 — Хохольский, 31 — Алакульский, 32 — Иловатковский, 33 — Урал-Сайский могильники; 34 — поселение Незвиско; 35 — Нестеровский, 36 — Луговой могильники; 37 — поселение и могильник Бамут, 38 — Сержень-Юрт; 39 — Майртупский клад; 40 — Ведено, случайная находка; 41 — Самашки, литейная форма; 42 — Балан-Суйский, 43 — Аллеройский, 44 — Ножай-Юртский; 45 — Гендергенский, 46 — Бенойский; 47 — Тлийский, 48 — Кобанский могильники; 49 — могильник Верхняя Рутха, 50 — Алибечки; 51 — Двин, литейная форма; 52 — Марал-Дересийский, 53 — Самтаврский, 54 — Куланурхвский, 55 — Эргетский, 56 — Мал-Музский могильники; 57 — Ясиновское, 58 — Павяндянское, 59 — Неверишкесское, 60 — Загайское поселения; 61 — Кузина Гора, поселение; 62 — Лабенщинское, 63 — Збаровичское, 64 — Ивановское, 65 — Пренлаукисское, 66 — Новобатекское поселения; 67 — поселение Марылина Гора; 68 — Пилипенкова Гора; 69 — Селищанское поселение; 70 — Коржи, поселение; 71 — Бортническое, 72 — Новобезрадичское, 73 — Спартакское поселения; 74 — Кокумуйже, клад; 75 — Лауксвидайский, 76 — Раудоненайский, 77 — Шернайский могильники; 78 — о-в Кизлевой, поселение; 79 — Звонецкий порог, поселение; 80 — Семеновский, 81 — Новоотраденский, 82 — Жинвальский; 83 — Апуштинский, 84 — Цебельдинские, 85 — Шатрищенский, 86 — Кузьминский, 87 — Борковский могильники; 88 — Колосковский, 89 — Суджанский, 90 — Новоодесский, 91 — Мартыновский клад; 92 — Белоозеро, поселение; 93 — Люцинский, 94 — Лукашевский могильники; 95 — Утевка, поселение; 96 — пещера Братьев Грече, поселение

мени [16, с. 71, рис. 15; 17, с. 157, рис. 30, рис. 35, 2, 4].

С середины II тыс. до н. э. намечается новый этап в распространении очковидных подвесок. Продолжая бытовать на Кавказе [18, рис. 7, 5, рис. 22, 14] и в Предкарпатье [19, рис. 11, 3], они в то же время завоевывают чрезвычайную популярность в среде носителей абашевской [20, рис. 9, 12, 13, рис. 10, 1, рис. 12,

7, рис. 14, рис. 15; 21, рис. 22, а; 22, с. 97, рис. 40; 23, рис. 7, 12; 24, рис. 5, 14; 25, рис. 36, 9; 26, рис. 4, 1—5, рис. 5, 8, и др.] и андроновской [27, с. 205, рис. 24, 20; 28, с. 56, рис. 5, 2; 29, рис. 2, 25, рис. 3, 16, рис. 7, 23; 30, табл. XXXVI, 19, табл. XXXVII, 38; 31, с. 66, рис. 8 и др.] культур, проникая на восток вплоть до Урала (рис. 2). К этому же времени относятся еще две подвески, связанные со срубной (Иловатка) и гаринско-борской (Старушка I) культурами [32, с. 233, рис. 8, 6, 33, с. 189].

Спектральный анализ некоторых подвесок абашевской (Хохольский, Абашево, Вилатово II), андроновской (Юкалекулево) и гаринско-борской (Старушка I) культур, проведенный Е. Н. Черных, показал, что они изготовлены из металла, поступавшего из Приуралья и Зауралья [34, с. 158]. Этот факт свидетельствует о существовании местного производства очковидных подвесок на территории этих культур или по крайней мере одной из них. В качестве прототипов могли послужить украшения кавказских племен либо носителей фатьяновской культуры.

По сравнению с очковидными подвесками предшествующего времени находки XV—XIII вв. до н. э. имеют некоторые отличия. Во-первых, они становятся значительно меньше. У подавляющей части абашевских и андроновских подвесок высота от наивысшей точки петли до нижнего прута, формирующего кольцо, не превышает 3 см (у подвесок конца III — первой половины II тыс. до н. э. — 4—5,5 см). Во-вторых, сокращается количество колец в спиральных: четырех—шести-спиральные находки, как это было ранее, составляют менее трети подвесок этого времени (Стырфаз, Старушка I, Туровское, Абашево, Северо-Бирск). Спирали остальных закручены в два-три оборота (рис. 1, 4—8). И в-третьих, пластинчатые подвески, за исключением двух экземпляров, происходящих из памятников андроновской культуры (Алексеевка, Урал-Сай), не характерны.

С прекращением функционирования абашевской и андроновской культур резко сокращается и ареал очковидных подвесок. Они полностью выходят из употребления на северо-востоке европейской части СССР. С этого момента наступает новый этап (XII—VI вв. до н. э.). Основной очаг их производства и распространения перемещается на Северный Кавказ, в среду носителей кобанской культуры [5, табл. XXIII, 7, 9, табл. XXIV, 32, 33, табл. XXVI, 6; 35, табл. XXXIV, 5, 6; 36, с. 49, 50, 53, 56; 37, рис. 48, 24, 25; 38, табл. 15, 6; 39, табл. 112, 6; 40, табл. 100, 6].

О местном производстве очковидных подвесок в этом регионе свидетельствует не только значительное количество обнаруженных украшений, но и находки литейных форм. К их числу принадлежит глиняная форма, обнаруженная на Бамутском поселении [41, с. 139, рис. 2, а, 3], и обломок литейной формы из с. Самашки [36, с. 55]. По времени близка им еще одна форма, обнаруженная при исследовании Двина [42, с. 238, рис. 1, б].

Размеры кобанских подвесок варьируют в достаточно больших пределах. Их высота колеблется от 1 до 6,5 см (рис. 1, 9—11). Подобная амплитуда была вызвана различным функциональным назначением. Как ни в какой другой культуре, кобанские очковидные подвески использовались в составе разнообразных украшений: серег, ожерелий, гривен, височных колец, головных уборов и т. п. Различно и число колец в спиральных. Оно варьирует от одного до шести.

Многочисленность биспиральных подвесок в кобанской культуре позволила В. И. Козенковой создать их типологию, выделив четыре варианта: 1) плоскоспиральные; 2) аналогичные 1-му варианту, но с дополнительным кольцом на дужке; 3) с конусообразными спиральями; 4) близкие к 3-му варианту, но имеющие на дужке рельефно выполненную голову барана. Рассматривая предложенную типологию, нельзя не отметить того факта, что она является слишком дробной. Нам представляется, что 1-й и 2-й варианты нужно объединить в один, поскольку наличие или отсутствие соединительного кольца на дужке не может служить разграничительным типологическим признаком, а 4-й вариант

с изображением головы барана сделать подвариантом 3-го.

С VIII—VII вв. до н. э. очковидные подвески получают достаточно широкое распространение не только на Северном, но и на Южном Кавказе. По-видимому, это объясняется тесными связями населения этого района с племенами кобанской культуры. Такие подвески, в частности, известны по находкам в могильниках Самтавро, Куланурхва, Марал-Дереси, Эргета [43, рис. 74, б, табл. XXIV; 44, табл. XXXV, 1; 45, с. 24, табл. XXVII], а также по вышеназванной литейной форме из Двина.

В это же время очковидные подвески фиксируются и в Крыму, в могильнике Мал-Муз кизил-кобинской культуры (46, табл. 35, 4, табл. 38, 5; 47, рис. 34, рис. 75]. Учитывая то, что они по своему облику и размерам близки к кобанским украшениям из Сержень-Юрта, Верхней Рутхи и др., нельзя исключать возможности их северокавказского происхождения или местного производства по кобанским образцам. Кстати говоря, на сходство ряда вещей из погребального инвентаря кобанских и крымских захоронений указывал еще Е. И. Крупнов, который пришел к выводу о том, что между этими районами существовала определенная связь [48, с. 29].

В середине — начале второй половины I тыс. до н. э. кавказский центр производства очковидных подвесок, по-видимому, перестал функционировать. Украшения этого типа, столь характерные для кобанских и позднекобанских памятников, выходят из употребления.

В IV и V периодах бронзового века, т. е. синхронно с кобанскими, очковидные подвески получают достаточно широкое распространение на западе СССР. Они, в частности, обнаружены на памятнике высоцкой культуры в Ясинове Львовской обл. [49, табл. XXXV, 46] и на городищах Павяндяне и Неверишкес культуры штрихованной керамики в Литве [50, с. 75, 76, табл. XXV, 4, 5]. Последние две, судя по сопутствующему материалу, относятся к концу бронзового — началу железного века. Их высота — 2,3—2,6 см, количество колец в спиральях — 3—5. Происхождение подвесок этого региона не поддается однозначному решению. Отсутствие собственных источников сырья и литейных форм не позволяет в настоящее время судить об их местном происхождении. Не исключено, что более широкое распространение этих украшений на западе СССР по сравнению с предшествующим временем связано с активными контактами и влиянием носителей лужицкой культуры на местное население. Биспиральные подвески в среде лужицких племен были широко распространены на протяжении всего периода существования культуры [51, с. 207, рис. 53, 2; 52, с. 52, рис. 5, с, с. 57, рис. 10, с; 53, с. 627, рис. 212, 5, 6; 54, рис. 286, и др.], и их экспорт в восточном направлении более чем вероятен. Подобное предположение в какой-то степени подкрепляется и составом металла литовских подвесок. По данным Э. Григалавичене и А. Мяркявичюса, он имеет западное происхождение [50, с. 110].

Рассматривая локализацию очковидных подвесок железного века, нельзя не отметить того факта, что с прекращением существования активного центра по производству и распространению этих украшений на Кавказе в то же время возрастает популярность и соответственно их встречаемость на северо-западе и западе европейской части СССР. Можно считать, что примерно с середины I тыс. до н. э. наступает новый этап, для которого характерно смещение области распространения очковидных подвесок в более северные районы (рис. 2). Во второй половине I тыс. до н. э. они зафиксированы в ряде культур лесной и лесостепной зоны, причем пик активности приходится на конец I тыс. до н. э.

Среди наиболее ранних подвесок этого периода отметим половину биспирального украшения из селища в урочище Загай близ с. Козинцы (УССР), которую исследователи относят к милоградской культуре [55, с. 72] и два биспиральных украшения, входящих в состав коромыслообразной подвески, обнаруженной на юхновском городище Кузина Гора (РСФСР) [56, с. 105].

В конце I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э. очковидные подвески получают

достаточно широкое распространение в культуре штрихованной керамики. В частности, они известны по раскопкам городищ Збаровичи, Лабенщина, Ивань (БССР), Пренлаукис в Литве [50, с. 78, табл. XXIV, 1; 57, с. 39, рис. 1, 12—14, 16, рис. 23, 15, рис. 25, 24]. Вероятно, этим же временем датируется и фрагмент очковидной подвески, обнаруженный на днепродвинском городище Новые Батеки на Смоленщине [58, с. 164, рис. 12, 6].

В первой половине I тыс. н. э. биспиральные украшения появляются в среде зарубинецких и позднезарубинецких племен Верхнего и Среднего Поднепровья. К их числу относятся находки, обнаруженные на городище Пилипенкова Гора и на селищах у деревень Коржи, Селище, Бортничи, Новые Безрадицы на Украине и Спартак на Смоленщине [58, с. 139, рис. 73, 10; 59, с. 51, рис. 8, 7; 60, с. 83; 61, с. 71—73, рис. 2, 21, 23, рис. 3, 16, рис. 4, 9]. По мнению О. Н. Приходнюка, очковидные подвески могли быть заимствованы зарубинецким населением у прибалтийских племен с рубежа н. э. [62, с. 95]. Это предположение не лишено оснований. Учитывая то, что в предшествующую эпоху подобные украшения для Поднепровья фактически не характерны, за исключением одной находки у с. Козинцы, а также то, что они имеют ряд общих черт с балтскими подвесками (размеры, количество завитков и т. д.), пути проникновения последних в область Среднего Поднепровья кажутся убедительными.

К числу редких находок этого времени (II—I вв. до н. э.) относится очковидная подвеска, обнаруженная на могильнике Лукашевка в Молдавии [63, табл. 7, 30]. Сделанная из железа, обычно не применявшегося для изготовления украшений вообще и подобных изделий в частности, она может с большой степенью вероятности свидетельствовать о местном производстве этих украшений.

Распространение очковидных подвесок в первой половине I тыс. до н. э. не ограничивается областью Среднего Поднепровья. Они вновь завоевывают обширное пространство, ограниченное на севере Балтийским, а на юге Черным морями. К числу самых северных находок этого времени относится очковидная подвеска на цепочке, происходящая из клада конца V в. н. э. у Кокумуйже в Латвии [64, с. 55, рис. 25]. Несколько более ранним временем датируется ряд биспиральных украшений Литвы, зафиксированных в грунтовых могильниках III—V вв. н. э. [65, с. 456; 66, рис. 3; 67, с. 437]. По-видимому, для этого времени можно уже с уверенностью говорить о местном производстве очковидных украшений на территории Прибалтики. К этому нас склоняет тот факт, что на территории Польши биспиральные подвески в I тыс. н. э. более не встречаются, а в Литве, как отмечалось, они бытуют на протяжении длительного времени. Территориально и хронологически к этим украшениям примыкает ряд очковидных подвесок, входящих в состав так называемой Вильнюсской цепи [68, табл. XIII], а также подвеска, обнаруженная на днепродвинском городище Марылина Гора [69, с. 39].

Представляет интерес появление аналогичных находок в первых веках н. э. в позднеантичных памятниках. В частности, две подвески известны по раскопкам Семеновского и Новоотраденского могильников Боспора [70, с. 103, рис. 5, 14; 71, с. 200]. И. Т. Кругликова совершенно справедливо полагает, что очковидные подвески были характерны для рядового населения сельских районов, поскольку в городах подобные находки не встречаются. Однако ее вывод о появлении здесь биспиральных подвесок как о возрождении архаичных мотивов, свойственных европейскому гальштатту, вряд ли соответствует действительности [70, с. 116]. Это вытекает из того, что они, во-первых, отсутствуют в предшествующих античных памятниках Северного Причерноморья, а во-вторых, можно указать на более близкие по времени аналогии — это рассмотренные выше очковидные подвески Среднего Поднепровья. Таким образом, появление этих украшений на Боспоре может быть вызвано не столько возрождением гальштаттских спиральных мотивов, тем более что они не исчезли и в латене, сколько связями со Средним Поднепровьем либо другими близкими территориями, где эти подвески существовали в позднем латене и в раннеримскую эпоху.

Среди одновременных или близких хронологически и территориально боспорским подвескам нельзя не указать на аналогичные украшения из селищ Южного Поднепровья [72, с. 275, рис. 1, 3, с. 277, рис. 4, 10]. Они по своим характеристикам близки позднезарубинецким подвескам Среднего Поднепровья, и их связь более чем очевидна.

В позднеантичный период очковидные подвески вновь появляются на памятниках Кавказа. Среди них наиболее интересными являются две находки из могильника у с. Жинвали в Грузии, датируемые III—IV вв. н. э. [73, с. 56, табл. XXXIII, 8; 74, с. 62, табл. XXXVII, 1]. Первая представляет собой фибулу в виде реалистически выполненной фигурки оленя, к копытам которого прикреплены две бронзовые цепочки, несущие на концах очковидные подвески. Вторая состояла из серебряной пряжки с двумя бронзовыми цепочками, на концах которых крепились подковообразные украшения вместе с очковидными подвесками.

Еще одна подвеска происходит из позднеантичного могильника у с. Апушта в Абхазии [75, рис. 10, 12]. По сопутствующему инвентарю она датируется концом IV — первой половиной V в. н. э. В отличие от более ранних очковидных украшений апуштинская подвеска имеет большие размеры и количество спиралей в кольце, число которых достигает шести. В целом же она идентична очковидным подвескам цебельдинской культуры, с которой она и должна быть связана.

Цебельдинская культура, существовавшая во II—VII вв. н. э. на части территории современной Абхазии, заслуживает особого внимания в интересующем нас аспекте. В ряде ее могильников (Шапкинский, Цибилиумский, Апуштинский и др.) в погребальном инвентаре женских захоронений присутствуют очковидные подвески [76, рис. 2, 8, 36, рис. 5, 8, 9, рис. 6, 22, 39, рис. 7, 5, рис. 8, 11, 14, рис. 9, 14; 77, рис. 1, 5, 13; 78, с. 92, табл. 1, 6; 79, табл. XII, 8, табл. XVII, 10; 80, табл. XXXII, 6, 9, табл. XXXVI, 2, 31]. Многочисленность этой категории украшений свидетельствует об их популярности в среде апсилов, оставивших древности цебельдинской культуры, и о несомненно местном производстве подвесок. По мнению исследователей цебельдинских древностей, со временем происходит увеличение размеров этих украшений. В частности, к такому выводу они приходят, сравнив биспиральные подвески II и III этапов раннего горизонта (III и IV вв. н. э.) [76, с. 197]. Однако на протяжении столетия прирост в высоте составил в среднем небольшую величину — 0,4 см. Очевидно, целесообразнее рассмотреть полярные по времени украшения. В этом случае разница в размерах достигает ощутимой величины. Так, например, если средняя высота подвесок III в. составляет 2,5 см, то в V — первой половине VI в. они «подрастают» более чем на 1,5 см.

Обращают на себя внимание и спирали. По сравнению с подвесками предшествующего времени на территории Восточной Европы количество витков в спиралях цебельдинских украшений увеличивается, достигая 4—5 в III—IV вв. и 6—7 в V—VI вв. (рис. 1, 17—19). Тем самым происходит как бы возрождение традиций прошлого. Вспомним, что многовитковые подвески были характерны главным образом для периода ранней бронзы, а в более позднее время можно указать на малмузские находки Крыма.

В первой половине I тыс. н. э. очковидные подвески появляются и в бассейне Средней Оки. Так, например, они обнаружены при раскопках Шатрищенского, Кузьминского и Борковского могильников позднегородецкой культуры [81, с. 96, рис. 44, 8, 6; 82, табл. XIV, 10, табл. XVII, 7]. Подвеска из Шатрищенского могильника представляет собой два очковидных украшения разных размеров, скрепленных между собой в области петель соединительным кольцом. Подвески, найденные в Борковском и Кузьминском могильниках, входили в состав сложных украшений, состоявших из биспиральных оснований, которые несли с помощью соединительных колец трапециевидные или шумящие подвески.

Очковидные украшения для этого ареала в предшествующую эпоху были

не характерны. Поэтому вполне закономерен вопрос об их происхождении. Сравнительно-типологический анализ подвесок дает возможность, на наш взгляд, достаточно убедительно и однозначно ответить на поставленный вопрос. Вне всякого сомнения, появление очковидных подвесок в финно-угорской среде в I тыс. н. э. связано с балтскими контактами. Так, например, шатрищенская находка имеет очень близкие параллели среди украшений культуры штрихованной керамики, в частности с одной из подвесок городища Ивань (рис. 1, 13). Помимо этого В. В. Седов убедительно показал наличие ряда вещей балтского происхождения в рязанско-окских могильниках [83, с. 86—104].

В отличие от шатрищенской борковская и кузьминская находки являются более поздними. В сочетании с шумящими и трапецевидными подвесками они приобретают ярко выраженную финно-угорскую окраску, и их местное производство не вызывает сомнений.

Во второй половине I тыс. н. э. очковидные подвески начинают постепенно выходить из употребления (рис. 2). Продолжая бытовать, как это уже отмечалось, в цебельдинской культуре, они в то же время появляются среди значительного числа антских кладов, таких, как Суджанский, Колосковский, Новоодесский, Мартыновский, Петровский [84, с. 66, 67, рис. 11—13; 85, табл. VI]. В том, что эти подвески имеют местное происхождение, не может быть сомнений по той причине, что все они изготовлены из серебряной проволоки, которая нигде больше для этих целей не употреблялась.

Сложность состоит в другом — в поиске прототипов антских подвесок. На первый взгляд, их нужно искать в культурах предшествующего времени на этой территории. Действительно, такие подвески были характерны для носителей киевской культуры, которые приняли участие в формировании антов. Однако есть обстоятельства, ставящие под сомнение этот тезис. Во-первых, между очковидными украшениями, относящимися к этим культурам, существует значительный хронологический разрыв, и, во-вторых, они по некоторым признакам имеют различия. В частности, антские подвески в отличие от киевских имеют большее число завитков в спиралях (рис. 1, 20, 21). Нам представляется более обоснованной связь антских биспиральных украшений с цебельдинскими. И те и другие близки по размерам. Антские подвески, как и кавказские, являются многовитковыми (5—7 витков). Один из важнейших признаков, связывающих эти подвески, заключается в том, что финальные погребения цебельдинской культуры, содержащие очковидные украшения, имеют хронологический стык с антскими древностями. О тесных связях антских племен с Югом, в том числе и с Кавказом, может свидетельствовать тот факт, что в составе ряда кладов присутствуют вещи, имеющие аналогии на Северном Кавказе (поясные наборы, антропоморфные фигурки из могильника в Чми и т. п.) [84, с. 78; 86, с. 85].

К последней четверти I тыс. н. э. очковидные подвески теряют свою былую популярность и почти повсеместно выходят из употребления. Последние отголоски их некогда мощного территориального всплеска относятся к концу X и, возможно, началу XI в. Одна из таких подвесок в сочетании с бубенчиками на каждой спирали обнаружена Е. Р. Романовым в Люцинском могильнике (87, табл. I, 1). Еще одна находка выявлена на Белом озере. Она представляет собой литейную форму для двух украшений, одно из которых может быть отнесено к числу очковидных [88, с. 55, рис. 1].

Подводя итоги, можно сказать, что очковидные подвески являются бесспорно интернациональным видом украшений, который приобретал этнокультурную окраску только в случае включения их в состав других украшений, чья этническая или культурная атрибуция не вызывает сомнений.

Рассматривая очковидные подвески в хронологическом аспекте, можно установить, что их распространение на широкой территории было не стабильным, а скорее всего пульсирующим. В настоящее время выделяется пять этапов в хождении этих украшений: 1) вторая половина III — середина II тыс. до н. э.;

2) третья четверть II тыс. до н. э.; 3) последняя четверть II — середина I тыс. до н. э.; 4) вторая половина I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.; 5) вторая половина I тыс. — начало II тыс. н. э. В отдельные периоды (2-й и 4-й) очковидные подвески охватывали значительные пространства, в то время как в другие происходил процесс сужения их ареала.

Картографирование подвесок показывает, что основные районы их концентрации приходятся на западную часть СССР: Прибалтику, Белоруссию, Украину, Кавказ (рис. 2). Это было связано главным образом с тем, что на производство и распространение очковидных подвесок оказали серьезное влияние два центра: центральноевропейский, где отмечены наиболее ранние украшения этого типа, относящиеся к второй половине IV тыс. до н. э. и вышедшие из употребления во второй половине I тыс. до н. э.; кавказский, в котором биспиральные подвески имели распространение со второй половины III тыс. до н. э. по VI в. до н. э. и с II по VII в. н. э. Существующий хронологический разрыв в бытовании этих украшений на Кавказе, думается, можно объяснить не столько прекращением их хождения, сколько недостаточной изученностью памятников второй половины I тыс. до н. э. этого ареала. На всех остальных территориях время функционирования очковидных подвесок было значительно короче, а их появление по крайней мере на ранней стадии связано с влиянием культур центральноевропейского и кавказского кругов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.
2. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1-12.
3. Hensel W. De la fonction des pendeloques en forme de binokle. *Archaeologia Polona*. 1960. Т. III.
4. Мунчаев Р. М., Смирнов К. Ф. Археологические памятники у с. Карабудахкент // МИА. 1958. № 68.
5. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры // САИ. 1982. Вып. В2-5.
6. Магомедов С. М. К вопросу о культурных связях с племенами Северного Кавказа и степей Юго-Восточной Европы в эпоху средней бронзы // Древности Дагестана. Махачкала, 1974.
7. Корневский С. Н. О металле эпохи ранней бронзы Дагестана // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978.
8. Исаков М. И. Археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1966.
9. Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур. Баку, 1959.
10. Федоров Г. С. Еще одна манасская катакомба // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977.
11. Стародавнє населення Прикарпаття. Київ: Наук. думка, 1974.
12. Свеши́ков І. К. Історія населення Передкарпаття, Поділля і Волині в кінці III — на початку II тисячоліття до нашої ери. Київ: Наук. думка, 1974.
13. Артеменко И. И. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы: М.: Наука, 1967.
14. Черных Е. Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы // МИА. 1966. № 132.
15. Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья. М.: Наука, 1972.
16. Bednarczyk J., Czerniak L., Koško A. Z badań nad zespołem osadniczym ludności z kręgu kultur ceramiki wstęgowej w Kryszy Zamkowej, stan 3, woj. Bydgoszcz // Sprawozdania Archeologiczne. 1980. Т. XXXII.
17. Gedl M. Groby szkieletowe w kulturze lużyckiej // Przegląd Archeologiczny. 1966. Т. XVIII.
18. Техов Б. В. Стырфазские кромлехи. Цхинвали, 1974.
19. Березанская С. С. Северная Украина в эпоху бронзы. Киев: Наук. думка, 1982.
20. Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Абашевская культура в Поволжье // МИА. 1961. № 97.
21. Халиков А. Х. Памятники абашевской культуры в Марийской АССР // МИА. 1961. № 97.
22. Кривцова-Гракова О. А. Абашевский могильник // КСИИМК. 1947. Вып. XVII.
23. Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья // МИА. 1961. № 95.
24. Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961. № 94.
25. Пряхин А. Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1971.
26. Васильев И. Б. Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья // Науч. тр. Куйбыш. гос. пед. ин-та. 1975. Т. 160. Вып. V.
27. Грязнов М. П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Казаки. Л., 1927.
28. Сальников К. В. Курганы на озере Алакуль // МИА. 1952. Т. 1. № 24.
29. Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967.
30. Андроновская культура // САИ. 1966. Т. 1. Вып. В3-2.
31. Комарова М. Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры // АСГЭ. 1962. Вып. 5.
32. Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // МИА. 1959. № 60.

33. Бадер О. Н. Поселения турбинского времени в Среднем Прикамье. М.: Наука, 1970.
34. Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970.
35. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Т. VIII.
36. Козенкова В. И. Кобанская культура (восточный вариант) // САИ. 1977. Вып. В2-5.
37. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
38. Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М.: Наука, 1971.
39. Техов Б. В. Тлийский могильник. Т. I. Тбилиси, 1980.
40. Техов Б. В. Тлийский могильник. Т. II. Тбилиси, 1981.
41. Магомедов А. Р. Новые данные по металлообработке у древнего населения Чечено-Ингушетии // Кавказ и Восточная Европа. М.: Наука, 1973.
42. Кушнарева К. Х. Производственный комплекс древнего Двина // Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973.
43. Куфтин Б. А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
44. Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми: Абхазиздат, 1962.
45. Микеладзе Т. К., Мигдисова Н. П., Папуашвили Р. И. Исследования колхидской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1981 г. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
46. Лесков А. М. Горный Крым в I тыс. до н. э. Киев: Наук. думка, 1965.
47. Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры // САИ. 1981. Вып. Д1-7.
48. Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи // Тр. ГИМ. 1947. Вып. XVII.
49. Suliminski T. Kultura wysocka. Kraków, 1931.
50. Григалавичене Э., Маркявичюс А. Древнейшие металлические изделия в Литве. Вильнюс: Мокслас, 1980.
51. Podborski V. Štramberskā dyka s krīžovym jilcem a otāzka rōzsiřēnē puvodu a datovane tēchto dūk v Evrope // Archeoligiche Pozhledy. 1967. T. XIX. No. 2.
52. Szydlowska E. Diademy i zawieszki skroniowe grupy gōrnoslaskomalopolskiej kultury lużyckej // Archeologia Polski. 1963. T. VIII. Z. I.
53. Trnāčkova Z. Lužické žarové hroby z věrovan u Olomouce // Archeologicke Rozhledy. 1961. T. XIII.
54. Hensel W. Polska starożytna. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdansk, 1980.
55. Сікорський М. І., Савчук А. П. Знахідки в с. Козинці Переяслав-Хмельницького району // Археологія, 1971. Вип. 4.
56. Алихова А. Е. Городища Курского Посеймья // МИА. 1962. № 113.
57. Митрофанов А. Г. Железный век средней Белоруссии. Минск: Наука и техника, 1978.
58. Третьяков П. Н., Шмидт Е. А. Древние городища Смоленщины. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
59. Максимов Е. В. Зарубинецьке городище Пилипенкова гора // Археологія. 1971. Вип. 4.
60. Савчук А. П. Поселения зарубинецкой культуры в поречье р. Трубеж // МИА. 1969. № 160.
61. Даниленко В. М. Пізньозарубинецькі пам'ятки київського типу // Археологія, 1976. Вип. 19.
62. Приходнюк О. М. Археологічні пам'ятки Середнього Придніпров'я VI—IX ст. н. э. Київ: Наук. думка, 1980.
63. Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. // МИА. 1960. № 89.
64. Urtans V. Latvijas 5—9 g. S. depoži // Archeologija un etnografija. T. XI. Rīga. 1964.
65. Иовайша Е. Раскопки могильника в д. Лауксвидай // АО-1978. М., 1979.
66. Volkaite-Kulikauskiene R. Senovės lietuvių moterų galvos danga ir jos papuošalai // Jā lietuvių kultūros istorijos. T. II. Vilnius. 1959.
67. Иовайша Е., Даканис Б. Новый тип грунтовых погребений в Литве // АО-1975. М., 1976.
68. Виленский музей древностей. Вильна, 1892.
69. Шадыра В. I. Раскопки Марылінай гары // ПГКБ. 1985. № 3.
70. Кругеликова И. Т. Некрополь поселения у д. Семеновки // СА. 1969. № 1.
71. Арсеньева Т. М. Некрополь римского времени в д. Новоотрадное // СА. 1963. № 1.
72. Бодянский А. В. Археологические находки в Днепровском надпорожье // СА. 1960. № 1.
73. Рамишвили Р. М., Рчеушвили Г. Г., Маргвелашвили М. Г. и др. Основные результаты работ Жинвальской археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1980 г. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
74. Рамишвили Р. М., Джорбенадзе В. А., Глonti М. Г. и др. Работы Жинвальской комплексной археологической экспедиции // Полевые археологические исследования в 1981 г. Тбилиси: Мецниереба, 1984.
75. Воронов Ю. Н., Вознюк А. С., Юшин В. А. Апуштинский могильник IV—VI вв. н. э. в Абхазии // СА. 1970. № 1.
76. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Ранний горизонт (II—IV вв. н. э.) в могильниках цебельдинской культуры (Абхазия) // СА. 1979. № 1.
77. Воронов Ю. Н., Юшин В. А. Новые памятники цебельдинской культуры на Кавказе // СА. 1973. № 1.
78. Шамба К. Г. Фибулы из некрополя Ахаччархва // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси, 1967.
79. Трапш М. М. Культура цебельдинских некрополей. Тр. Тбилиси: Мецниереба, 1971. Т. 3.

80. Гунба М. М. Новые памятники цебельдинской культуры. Тбилиси, 1978.
81. Кравченко Г. А. Раскопки Шатришенского могильника в 1966 г. // КСИА. 1969. Вып. 119.
82. Спицин А. А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР. 1901. Вып. 1.
83. Седов В. В. Рязанско-Окские могильники // СА. 1966. № 4.
84. Рыбаков Б. А. Древние русы // СА. 1953. № XVII.
85. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. // Археология СССР. М.: Наука, 1982.
86. Рыбаков Б. А. Новый Суджанский клад антского времени // КСИИМК. 1949. Вып. XXVII.
87. Люцинский могильник // МАР. 1893. Т. I. Вып. 2.
88. Голубева Л. А. Археологические памятники веси на Белом озере // СА. 1962. № 3.

Белорусский государственный
университет, Минск

A. A. YEGOREYCHENKO

BISPIRAL PENDANTS IN THE TERRITORY OF THE USSR

Summary

The spreading of the bispiral pendants in time and space is considered in the article. Five stages of their existence are outlined: 1) the second half of the 3rd — mid 2nd mill. B. C.; 2) the third quarter of the 2nd mill. B. C.; 3) the last quarter of the 2nd mill. B. C.; 4) the second half of the 1st mill. B. C. — the first half of the 1st mill. A. D.; 5) the second half of the 1st — the beginning of the 2nd mill. A. D. The groups of concentration of the artefacts are noticed in the western part of the USSR. This fact can be explained by the strong influence of the Central Europe and the Caucasus, where these ornaments were produced as long as two — three millennia.